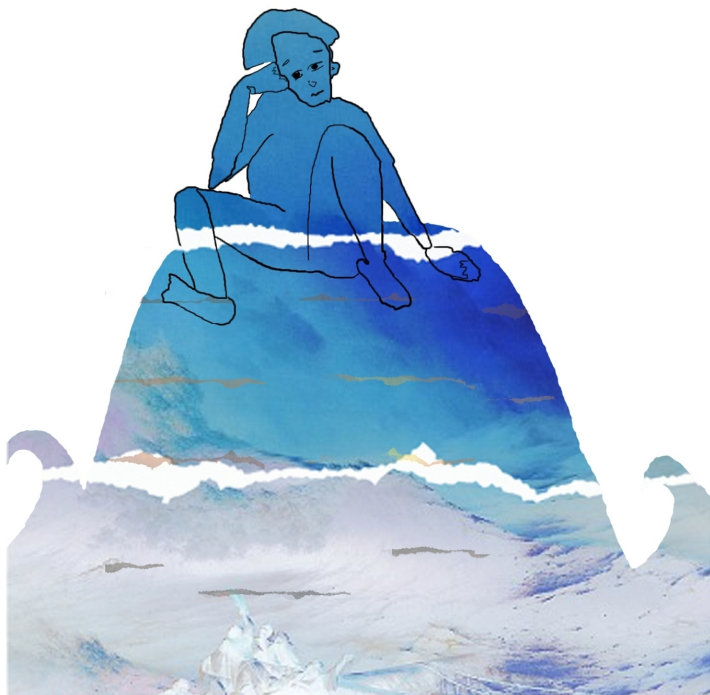

ПЕРЕПЛЫВШИЕ ОКЕАН

КЕЙТ
ГЛАДЬО

18+

Кейт Гладьо

Переплывшие океан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53611325

SelfPub; 2020

Аннотация

Каково это – сходить с ума? Что толкает человека бросить семью, дом, разум ради невероятных иллюзий? История о двух безымянных героях, написанная в жанре сюрреалистической исповеди, не дает готовых ответов на эти вопросы. Но она дает возможность читателю найти их самому. Одинокий писатель, возомнивший себя божеством, и девочка, ставшая узником тоталитарного лагеря, – им обоим придется пройти через горечь утраты и внутреннюю борьбу. Но даже немилость стихии не остановит их на поиске друг друга и самих себя.

Содержание

Пролог	4
1.	6
2.	9
3.	14
4.	17
5.	20
6.	22
7.	25
8.	26
9.	28
10.	32
11.	36
12.	38
13.	39
14.	40
15.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Всю жизнь я воспитывал в себе сильную личность, но оглядываясь на все прошлые события, я понимаю, что удалось воспитать лишь личность невротическую. Однако жизнь смогла научить меня, что нет ничего сильнее правды.

Всю жизнь я знал, что буду писать. Однако жизнь смогла научить меня, что писать нужно лишь то, что знаешь. А я ничего не знаю, кроме своей жизни. Поэтому, наверное, я всегда пытался сделать ее болезненно увлекательной.

Я уже много дней не запирался в ванной. Не раздевался и не задерживал дыхание, открыв глаза, под ледяной водой. Сейчас это звучит абсурдно, но тогда я решительно готовился к будущему. Я был уверен, что в один момент мне предстояло плыть далеко и долго, с одним лишь нагим телом. Ведь я хотел вернуться «к истокам».

Да, я больше не свожу к минимуму свою пищу, давно начал использовать вновь шампунь или ножницы для ногтей. Но, признаюсь, во мне все еще крепко сидит вера, что если упорно готовиться и не сомневаться, то в один день действительно можно обойтись без одежды, без сна, без воздуха.

То, о чем я вас сейчас расскажу, является правдой от начала и до конца. Все это произошло со мной много лет назад, когда я был еще ребенком. И лишь недавно все это закончилось. Я победил и написал эту книгу.

Чтобы смогли победить вы.

1.

Иногда я представляю, что забыла все. Как будто у меня маленькая потеря памяти. Я просыпаюсь, смотрю вверх на освещённый солнцем потолок, и не знаю, ни какие у меня планы на этот день, ни что я должна была сделать. Я не помню, где я учусь и учусь ли вообще, не могу вспомнить, есть ли у меня работа. Я не помню своих друзей и знакомых. Я смотрю в потолок и чувствую невероятную легкость и свободу в своей голове. Без всяких мыслей о прошлом и будущем, я почему-то отлично осознаю, кто я такая. И это прекрасный момент, который я хочу удержать как можно дольше.

Это чувствуется, как будто я знаю, что мне делать со своей жизнью, только не могу выразить это словами. Как будто оно было всегда со мной, и мне стоило лишь опустошить и обеззвучить голову.

Наш будильник звучит на полчаса раньше, чем нас должны разбудить наши наставники, постучав в не запирающуюся дверь и глухим, как будто из глубины, голосом сказав: «Подъем». Когда я открываю глаза, я вижу, что девочки уже проснулись. Они всегда как-то просыпались на секунды раньше, хотя ночью я засыпала мгновенно, а они еще долго болтали до неизвестного мне времени.

По утрам мы всегда встаем раньше, чтобы у нас было вре-

мя собраться, не торопясь, и, возможно, даже заняться чем-нибудь своим. Первым делом мы надеваем купальники под одежду, чтобы не переодеваться на тренировку еще раз, потом каждый ищет шорты и футболку в шкафу. По утрам мы почти не разговариваем.

Я слышу, как в других комнатах зашевелились другие. Скоро придут наставники, и мы пойдем на тренировку. Мне не хочется никуда идти, как и всем вокруг. В такое раннее время воздух еще не успел прогреться, и на улице около 17 градусов, что прохладно по сравнению с дневной жарой, какая бывает по воскресеньям.

Мы сидим каждая на своей кровати и ждем. Каждый надеется, что эти минуты свободного времени продлятся как можно дольше, но наши мысли обрывает резкий и грубый стук. Пора идти.

Мы выходим в коридор, и я вижу, как из своих комнат вытекают потоки остальных. Интересно, что нас ждет на этой тренировке? Выйдя на улицу, нас подвое строят помощники. Утренняя, еще сонная толпа плохо поддается всему тому, что с ней пытаются сделать те неопытные юноши, и это приводит их в раздражение. Но рядом наставники, и они не могут потерять самообладание при них. Мы наконец выстраиваемся и двигаемся к стадиону.

От корпусов до стадиона 20 минут пешком. Ещё очень тихо, и мы молча идём в сторону моря. За километр слышен громкий шум воды, а наверху бешено кружатся в хаотичном

полёте мелкие птицы, визжа пронзительно и южно. Иногда налетает свежий ветер с океана, и тогда верхушки вечнозеленых деревьев начинают шелестеть и гудеть, а мои ноги – дрожать ещё сильнее. Мы проходим соседние секторы, которые всегда выглядят лучше и чище нашего. Отовсюду веет сном еще не проснувшихся людей. Они встают на 2 часа позже, сразу к завтраку.

Мы идем долго по пустым дорожкам, и доходим до того громадного массива, где нас уже ждут.

2.

Каждый день мы бежим все больше и больше. Когда-то все начиналось с 7 или 8 огромных для наших тонких ног кругов, сейчас мы должны преодолеть не меньше 12. Мы бежим без остановки, но не разгоняясь, ведь если ты выдохнешься или у тебя заколет в боку, остановка обернется тебе дополнительными часами непрерывного, но уже одинокого бега на закате. Рядом с тобой не будет друзей, кроме тех, кто, как и ты, не сумел заставить себя не сдаться. Останавливаться нельзя.

Солнце едва-едва начало показываться из-за высокого леса и внушительных строений, которыми мы окружены. Я видела, как шли те немногочисленные лучи света – минуя дорожку, нас и падая на верхние ряды трибун, в метре от наших голов. Мы проходим к мокрым от свежего утра скамейкам, чтобы снять наши толстовки и остаться в одних купальниках и шортах. Поначалу по моему телу проходит холодная дрожь, но я знаю, что как только начну бежать, воздух будет казаться приятным и мягким.

Команды начинать можно не ждать, ведь ее и не будет. Она не нужна. Мы прекрасно знаем, чего от нас хотят и что будет, если мы вдруг решим послушаться наших наставников. Не синхронно и вперемешку мы начинаем наш бег. Наконец, из сонного и безфокусного состояния я начинаю вливаться

В ЭТОТ ДЕНЬ.

Я всегда была в лидерах по скорости. Мои длинные ноги как будто были созданы для того, чтобы с легкостью отрываться от земли и взлетать. Сейчас со мной бегут Валире и Сал, они тоже достаточно сильные и всегда выигрывают турниры на воде. Но они не быстрее меня. Сейчас я легко могла бы вырваться вперед, но мне не хотелось бы бежать одной все 12 кругов. С ними мы можем болтать или обсудить кого-нибудь из других, они помогают мне отвлечься от той работы, которую делают мои мышцы.

Хотя мое тело брызжет силой и легкостью, на триатлонах я редко становлюсь первой, ведь я не умею контролировать свой слабый характер. Возможно, я просто не верю в то, что способна быть лучше всех, поэтому. еще не достигнув середины любой дистанции, мне приходится заставлять себя ускоряться и двигаться вперед. Когда я вижу, как меня обгоняют, будь это один человек, я не стану пытаться наверстать упущенное. Я сдамся, не перестану плыть или бежать, но приму то, что не стану первой. Или я позволю боли или болезненному холоду, которые я часто испытываю на турнирах, стать моим оправданием для себя, чтобы я не истратила на борьбу все свои силы.

Я борюсь с этим каждый раз. Перед турнирами я представляла, как плыву или бегу дистанцию. Я должна была увидеть каждый свой гребок в деталях, почувствовать, как я буду дышать и что будет передо мной от момента погружения

в холодную воду до финишного касания. И лишь когда я ловила то чувство предстоящей дистанции, когда в мыслях я полностью переносилась в ту будущую борьбу и начинала верить в то, что способна проплыть так, что в моем теле не останется ни капли энергии, что победа реальна и неминуема, я могла быть спокойна и постепенно заставляла исчезать этот тяжелый настрой с помощью бессмысленной болтовни с сидящими рядом.

Наконец, пробежав половину круга и оказавшись на противоположном от наставников краю стадиона, Сал начала разговор о всех нелепых ситуациях, произошедших вчерашним вечером, когда все должны были готовиться ко сну. Я с жадностью слушала все истории о том, какие ложь переходила из комнаты в комнату благодаря Куцийи. Среди них были и подробности про мою личную жизнь, которой, кстати, не существовало. Я не без возмущенной улыбки узнавала, что, по ее словам, говорили обо мне за спиной мои собственные друзья.

Все это поражало своей глупостью и злонамерением. На что могла рассчитывать эта огромная, грубо слепленная девочка, с резким, ржавым голосом? Неужели она думала, что доверие к ней будет крепче нашей связи? Я давно перестала верить любому слову, сказанному ее, даже когда ее разговоры исходили из самих законов природы. Но все же, я не могла понять, как человек может так долго врать и не уставать от этого. Когда я лгу слишком много, меня начинает тошнить.

Поэтому сейчас мы вновь смеялись над воображением человека, который зарабатывал поддержку, покупая других и используя грубо звучащую лесть. Мы смеялись и придумывали все более изощренные насмешки про того, кто был мне противен и которого я так часто жалела, не решавшись открыть эту жалость. Ведь я не знала ни одного человека, кому не было бы стыдно признаться, что он друг Куцийи.

Мы продолжали бежать и говорить. В какой-то момент, однако, мое внимание начинало ускользать от слов девочек в сторону всего вокруг. Я уже не вникала в подробности очередной мести нашему очередному сопернику, а переводила взгляд со своих ног на медленно приближающийся путь впереди. Но я не переставала отвечать на вопросы девочек и вставлять в нужный момент комментарии. Это был ужасный навык вести беседу, не находясь в ней, которому я всегда удивлялась и которым не переставала пользоваться. Я помню, что пробежала еще 2 круга, когда вновь начала разбирать слова Факиды, говорившей о сегодняшней полуденной тренировке. Я начала терять ту легкость, с какой бежала первые минуты.

Самое сложное в беге – продолжать делать одно и то же. Мои руки и ноги движутся одинаково, и, если бы не разговоры, отвлекающих меня от того однообразия моей работы, мне было бы гораздо труднее справляться с головой, которая требовала чего-то нового. Мне всегда было скучно заниматься одним делом.

По моим бедрам прошел внутренний холод – ощущение, обычно приходящее после 10-15 минут бега не разогретого как следует человека. Этот холод перетекал во внутреннюю теплоту, которую начинают излучать мышцы от интенсивной тренировки, но эта теплота тут же гасилась свежим утренним воздухом и была недостаточна для того, чтобы я вспотела, но все же приводила меня в чуть более активное состояние.

И вот сейчас я говорю, и слова мои постепенно смешиваются с частым дыханием. Мы смеемся с бегущими рядом, но все чаще мне приходится сдерживать себя, ведь каждый мой выдох становится более глубоким. Как я боялась, я начинаю уставать. Но сегодня у меня не закололо в боку, а значит я еще могу контролировать свое тело. Даже несмотря на то, что мои ноги теряют силу, которую давал им воздух.

3.

Мы добегаем последний круг, и для нас тренировка закончена. Мы можем растянуться на скамейке и подставить нашу разгоряченную кожу чуть греющему солнцу. Для меня наступают те минуты блаженства, когда от меня не требуется ничего и когда я становлюсь свободной от надзора, направленного теперь на немногочисленные группки добегающих тел. Теперь я наблюдатель, но мне не интересно смотреть вперёд на стадион. Я обращаю взгляд на разноцветные ореолы вокруг солнца, что заставляют мои глаза щуриться. Мне так приятно, и я вновь осознаю, что только то, что наверху, имеет какую-то ценность и смысл. Не это низкое окружение. Никакие победы на турнирах или прагматичные слова одобрения наставников не вызывают во мне такого осязания настоящего, как подобные моменты, когда в своих мыслях я наедине с тем, что наверху. Жизнь, которую я и другие живем во все другие часы кажется мне странной игрой с придуманными кем-то правилами, которым мы подчиняемся по неизвестным причинам.

Сколько раз я думала, что ничто не останавливает меня закончить играть? Сколько раз я была на грани того, чтобы уйти от всех этих границ, распорядков, контроля? Я твердила своим ушам, что все зависит только от меня, что страдания по требованию – это мой выбор. Я знала, что есть мир,

где можно жить по-другому. Мир, где нет четких ролей и где можно смотреть на разноцветные ореолы часами, не боясь наказаний и осуждений. Мир, в который сложно попасть и откуда нет пути назад. Но что-то всегда останавливало меня.

Помню, в один вечер я убежала к берегу, полная решимости. В тот день я чувствовала переполняющую меня энергию. Сейчас мне сложно в это поверить, но тогда я не просто видела зовущие мысли об ином будущем, а была готова действовать. Я подошла к краю воды, которая шумела так бурно, но так спокойно. Посмотрела на горизонт, к которому двигалось лиловое солнце, и представила, как переплываю море, и оказываюсь там, в моем мире. Какое же изливающееся счастье были эти видения. Еще секунда – и я бы исчезла из жизни моих друзей, была бы вычеркнута из списка команды. В нашей комнате бы освободилась кровать (занял бы ее кто-нибудь новый?). Я не знаю, заметили ли бы мое отсутствие окружающие и весь наш тесно сплетенный мир наставников, девочек, других обитателей всего поселения, которые представляются нам чужими призраками. Даже если да, они бы быстро забыли меня, как это всегда бывает. Но мне доставляло определенное удовольствие гадать о том, какой след я бы оставила в их жизни. Вероятно, моему эго нравилось представлять, как окружающие ломают голову в предположения, куда я пропала, или ищут меня по всему побережью целыми днями, до самой темноты пытаюсь найти следы или подсказки, которые бы привели их ко мне, но которых бы не суще-

ствовало. Каким бесчувственным и равнодушным к другим, должно быть, казался бы мой поступок. Но меня он веселил и все его возможные последствия вызывали азарт.

4.

Медузы чистят воду, но что толку в ледяной прозрачной воде, от которой сводит мышцы? Медузы – мой главный страх, они страх всех нас. Что это? Отвращение, когда, плывя, разгребашь ладонями склизкие желейные тельца и ногами бьешь их круглые упругие спины? Или боязнь обжечься, когда шанс так велик? В воде они казались нам розоватыми прозрачными пакетами, так похожими на привычный океанский мусор. Только ступая в воду и ныряя первый раз, ты греб мутноватую, но свободную от них воду. Она же была теплее. Но дальше, как только твои пальцы на ногах уже теряли дно и начиналась резкая подводная пропасть, к тебе приливало течение холода. Кристально чистое, свежее, и твои надежды о спокойной тренировке таяли с каждой волной. Все это время ты смотрел вниз, лишь иногда поднимая голову вперед, чтобы взять дыхание и уцепиться за свет и небо, и видел, как далеко во тьму уходило дно. Ты, в оцепенении от пустоты под собой, переводил глаза вперед, где во все стороны в толще замерли они.

Что в них такого, я не могу сказать сейчас. Теперь я, не брезгая, возьму кусок гальки и порежу медузу пополам. Я без страха выловлю ее на мелководье, а ее касание покажется приятным, как мягкое стеклышко. Но ценой такой смелости был неизмеримый ужас. Ведь победить свои слабости, свои

фобии и темные мысли можно лишь встретившись с ними лицом к лицу. Потому мне искренне жаль тех, кто никогда ничего не боялся. У таких людей нет ни единого шанса стать храбрыми.

Шея наверх, и вдох с захлебыванием морской воды. Шея вниз, руки клином вперед и волна телом. Сейчас мы в медузном лабиринте, и мы извиваемся, как лоза, в попытках избежать встречи с железными нитями. Отлично помогает закрывание глаз, убеждение себя, что все хорошо и что это всего лишь листья водорослей, что облепили все твои руки. Но глаза когда-нибудь придется открыть, и тогда начнется паника.

Сложнее всего лидеру – тому, кто возглавляет нашу цепь на воде. Ни впереди, ни сбоку нет знакомых тел твоих друзей или врагов, ведь даже присутствие самого ненавистного человека рядом дает тебе больше спокойствия в море, чем мертвая пустота. Плывая сзади, ты видишь пену от бьющихся стоп. И эта пена делает воду белой и воздушной, как воздух. Так спокойно. Просто плыви за всеми, не отставая. Что может быть проще и легче? Но я, как и многие, всегда хотела плыть первой. О, какая это честь вести за собой целую команду! Ты мученик, что берет на себя эту ношу быть щитом от темноты, от темной бездны. На тебе ответственность держать курс, поддерживать темп. Ты теперь неустанен.

Но медузы сегодня чистят воду. Они делают ее прозрачнее и свежее, чтобы даже на большой глубине были заметны

мельчайшие кусочки стекла, обломки ракушек и линии пере­ливающихся рыб. А значит, будет паника. И не у меня одной. Значит, что кто-то не доплывет дистанцию – слишком невы­носимо будет прокладывать путь через разрядный лабиринт. Значит, группа распадется на части, и не будет уже той проч­ной цепи, плывущей от буйка до буйка на горизонте. Одна группа – в ней будут все мои друзья, но я не узнаю этого. В воде ты теряешь людей, теряешь самого себя. Та группа про­должит дистанцию под зорким надзором наставников, что, воткнув ноги в сухие теплые полотенца, видят все и всех. Другая группа, собранная из рассеянных испуганных телец, замерзших до сведения скул и поднятия дыбом золотых во­лосков на руках, без слов решит сменить курс и вернуться к берегу.

Я не могла не оказаться во второй группе. У меня холод­ная кровь, и это не шутки.

5.

Не доплыть – значит получить наказание. Это всегда был бег на закате, но, добежав последний штрафной круг, вместо облегчения нам внутрь поселили тревогу, когда главная из наставников Рода сказала, что в поздние часы зайдет к каждому и проведет с ним беседу.

Рода была ненормальной. Что-то в ее рассудке было изломано до таких крайностей, что бросалось в глаза даже незнакомому человеку. Конечно, мы все были больными и у каждого в душе имелась некая темная, разъедающая изнутри часть, живущая там с самого рождения. Но в отличие от Роды, мы научились хорошо скрывать ее. Мы поняли, что раскрыться полностью – значит выбрать изгнание, а абсолютная свобода влечет за собой отрешение и разрыв всех связей. Мы осознали это сами, это казалось нам естественным правилом пребывания среди людей. Надень образ и притворяйся сыном своего отца или дочерью своей матерью, и лишь когда ты уверен, что ты один – что за тобой не может наблюдать твой друг или брат, и есть вокруг тебя невидимая крепость, в которой не может неожиданно распахнуться дверь – только тогда ты можешь понять, каково это – быть собой. Но даже тогда, вспомнишь ли ты самого себя? Не потрясет ли тебя собственное отражение? Не покажется ли тебе, что твой настоящий облик теперь стоит рядом, словно чужой человек? Как

друг, в один день ушедший из дома, теперь явившийся перед тобой через годы странствий в ином, истрепанном ветром и ходьбой виде?

Как любят нас наши братья и сестры, как обожают наши отцы и матери, когда не говорим мы им, что творится в наших безумных головах. Оттого ли мне так часто одиноко, что вся эта любовь принадлежит не мне, а глупому слепку, что я создала за годы среди людей? Как часто хочется признаться, но даже не знаешь в чем. Как много скрываешь, что в каждом слове нетрудно подметить лживый подтекст. Импульсы раскрыться – как вдруг мысли: «Быть может, это и есть я? И внутренний мир, и голос, и мысли, и мечты, и волнение, смешанное с тревогой и болезненными страхами, не исключают игры в слова и любезность.» Да, все так, но все-таки, где та граница между тем, что удерживать в себе, и тем, чем делиться с окружением? Мне чувствовалось всегда, что, скажи я чуть больше, мне стало бы легче. Но стоит приблизиться к темам, далеким от сплетен и шуток, как в горле появляется какое-то странное чувство.

6.

Она вошла в комнату после формального стука. На ней было две майки: непонятная избыточность во влажном климате; кудрявые волосы стремились разорвать резинку для волос и выбраться из тугого хвоста. Все затихли и выпрямились. Она села на мою кровать.

«Я думаю, вы понимаете, зачем я пришла.»

Я понимала, но почему она обращалась к нам всем для меня было загадкой. Девочки в комнате проплыли задание. Их сердце не стучало безумно быстро, а трясущиеся руки не были спрятаны за спиной. Но я знала, что ни на один ее вопрос не было верного ответа. Он был потерян мной, как только я вышла на берег раньше нужного. Мне оставалось молчать.

«Я пришла, чтобы узнать, почему», – она вдруг вызывающе посмотрела мне в глаза. Инстинкты прошептали потушить взгляд, и я, как загнанная жертва, сжалась и уставилась на свои колени. «Что помешало тебе выполнить задание, ты можешь мне ответить? Что было такого особенного, что помешало тебе, но не большинству других? Посмотри. Посмотри вокруг на своих соседок. Ни одна из них не сдалась, хотя тяжело было всем. Нан, скажи нам, тебе было легко?»

Я повернулась на нее. Нан быстро взглянула на меня, потом на Роду. Она почти незаметно покачала головой.

Предатель. Ей хватило смелости проплыть через медуз, но встать на мою защиту характера ей не хватило.

«Сал, Валире. Вам, я думаю, было не менее сложно. Все же вы с заданием справились. Как и справлялись до этого. Только ваша соседка сегодня показала слабинку. Хотя силы позволяли. Накануне был выходной.»

Я чувствовала, как к уголкам глаза поступают слезы. Не сравнивайте меня никогда и ни с кем. Это было мое слабое место. Моя уязвимость. Кто-то смог, а я нет. Я слабее и хуже. Не сравнивайте меня никогда, ведь всю жизнь я была чувствительна к соперничеству.

«Я расскажу вам историю, которая произошла много лет назад. Я была в вашем возрасте, такой же член команды. Мы с другими атлетами и наставниками уехали на международный турнир. Это было на Западе, и нам предстояло плыть на скорость не в тихом заливе, как наш, а в буйном океане. Вода в тех местах не прогревалась совсем, так что нам она казалась ледяной. Но к этому мы привыкли спустя несколько тренировок. Когда настал день заплыва, поднялся шторм. Переносить турнир никто не собирался, к тому же каждый был готов плыть. На помощь участникам были организованы спасательные лодки, которые то и дело вытаскивали из воды посиневших подростков. Но я плыла. На кону было место в команде нации, и я боролась за первенство. Вода просто взбушевалась. Грести приходилось в два раза сильнее, лишь бы тебя не сносило в сторону. И вдруг налетели

чайки – таких огромных размеров, что можно было спутать их с белыми орлами. Они начали биться об воду, об нас. Они клевали мою голову, пытаясь оторвать кусок шапочки с кожей. Но я плыла. Я отбивалась от них, делая вдох, и приплыла первой. Когда я финишировала, весь мой затылок был в крови. «

«Ты же испугалась каких-то медуз.»

Последнюю фразу она сказала с презрением и вышла. На кровати остался ее след, а в комнате – чувство моей вины и жалости.

7.

Пойдем!

Залезем на ворота? Будем стоять, да? На них, и смотреть на сиреневый лед и горизонт? А потом, потом, пойдем к нему, да? И перепрыгнем через форватор, по плавучим льдинам, и побежим к тому рукаву, который видно издалека всегда! Который самый красивый и который в свинцовую погоду кажется проливом к самому Полярному морю! Который так манит меня, тебя тоже?

До него далеко, я знаю, но мы дойдем, я уже почти доходила когда-то. Да, темнеет сейчас рано, и солнце вот-вот уже сядет. Но небо ясное, и выйдет луна, дорогу будет видно, я знаю, я обещаю, пойдем же!

Ах, зачем же ты колеблешься? Зачем ты мне врешь, когда я не могу оставаться? Отпусти, разожми руку, не держи меня, не тяни вниз! Ты что, не видишь? Оно там, зовет меня! Ты не слышишь, как оно поет?

Ты не знаешь, что там, что будет дальше? И что, я тоже! Мы не должны знать. Прыгнем, и если верим, не разобьемся.

Будем идти несколько дней, холода и усталости не почувствуем, будем всегда смеяться, слезы в глазах застынут. И придем к самой кромке воды. Большой и без горизонта! Той, что становится небом.

Она само небо!..

8.

Мы сидим в комнате. Послеобеденный час тишины. Но для нас это еще одна частичка свободы, когда в запертом корпусе мы становимся хозяевами своего времени. 3 часа после полудня. Помощников сзывают на учения, и мы впадаем в неистовство.

Все вдруг становятся дикими. Валире уже стоит на своей кровати, размахивая чьим-то нижним бельем. Нан смеется, но этот смех больше напоминает визг. Визжит вся комната. Я прыгаю к Сал, и мы приступаем к любимой Игре Подражаний.

Первая жертва – Нил. Я ее ненавижу. И поэтому мы все ее ненавидим. Я задираю подбородок выше и увеличиваю частоту голоса до детского, раздражающего звука. Так вечно говорит Нил. Мне не изобразить, пожалуй, ее выцветшую кожу и бледно-красные волоски, ее веснушки и компактную комплекцию. Но я смогу показать ее манеру смотреть на все свысока и неумение придумать достойные оскорбления.

Сал показывает маленькую, полноватую Орино, вечную спутницу Нил. Орино любит ее и следует за ней, как вторая тень. Защищает ее, как собственная мать. Ее мысли в один день сменились мыслями красноволосой Нил, а внешний облик стал напоминать плохо отлитую копию той стервы. В целом, даже несмотря на всю схожесть с Нил, Ори-

но было сложно ненавидеть. Девочки презирали ее. Я же к ней испытывала привычную смесь презрения и жалости. Ту смесь, которая рождается при встрече с любым человеком, бросившего себя ради внимания другого. Ту смесь, что испытываю к самой себе.

Но сейчас мы в игре. Я прыгаю с кровати на кровать, Сал прыгает за мной. Валире машет уже другим бельем, на голове у Нан мой купальник. Все смеются, а я играю роль. Точнее, целых две.

Потому что на самом деле мне не смешно. Возможно, было забавно раньше, но теперь я не могу потерять контроль. Я не могу отпустить серьезность и снова упасть в неистовый смех. Потому мой смех звучит странно, но громко и сильно. Этот смех стоит мне усилий, но я не против. Моя роль здесь – смешить других.

Из коридора стучит пронсящийся бег, и за ним бежим мы.

Собрание!

9.

В центре стадиона стояли они – могущественные статуи, толстые и худые, но все массивные, высокие. Их тени тянулись до самых небес и перекрывали рассеянный свет. Мертвые глаза, покрывшиеся со старостью беловатой пленкой, смотрели прямо, но каждый ощущал на себе их сводящий взгляд. И наши руки дрожали.

Затем, главная из них разорвала тишину.

«Многие из вас заметили сегодняшний ветер. Глава уже передал нам новости: приближается шторм. По всему побережью объявлен режим красной опасности.»

Из тишины родились тихие шептания.

«На пляже действительно висит черный флаг. Однако, флаги всегда были адресованы гражданам. Но для нас с вами действуют несколько иные правила.»

Тихие голоса повсюду стали большим тихим шумом.

«Я знаю, что вы думаете. Черный флаг означает запрет на приближение к воде. И мы долго думали, как лучше поступить. Наставники никогда бы не стали рисковать ни одним членом команды. Поэтому мы решили проверить. Как оказалось, все не так страшно.»

На этом моменте взвыл ветер.

«Все не так страшно, и многие из нас даже зашли в воду. Она прохладнее чем обычно, на глубине чуть сильные вол-

ны. Но мы не нашли угрозы. Ничего, с чем вы не могли бы справиться.»

Шум уступает гулу.

«Нами было принято решение не отменять завтрашнюю тренировку. На рассвете ваши наставники будут ждать вас у главного корпуса. » Она замерла с открытым ртом, питаясь застывшим воздухом и собственным влиянием, и низким голосом добавила:

«Мы надеемся видеть всех.»

Собрание перестает жить.

Обратно возвращались в ржавом свете фонарей. Небо было облачное и настолько уродливое, насколько может быть небо. Почему-то не было звуков – только шлепали наши сланцы, приятно и успокаивающе.

Усталые головы хотели что-то сказать, что-то придумать, но все было лишним. С такой пустотой мы вернулись в наш родной ненавистный уголок.

Там все было по-прежнему. Нарисованный календарик на тумбочке у каждой – с обратным отсчетом до конца такой жизни. Кровати, брошенные в беспорядке. Такие старые, с нестираным бельем (ведь стирали мы сами), но такие мягкие, поглощающие тела маленьких девочек в глубокую яму комфорта. Наконец, кусок моего одеяла, свисавший до пола, колыхающийся под действием сквозняка, подметая многодневную пыль.

Сал и Валире уже были там. Они были в середине жаркого

обсуждения и подходили к его завершению, но я не дала им. Такое правило действует среди нас: если я рядом, это меня касается.

– О чем вы говорите? – спросила я.

– Сал говорит, что Юзи говорит, что видела нашу уборщицу сегодня.

– У нас есть уборщица?

– Я тоже не знала. Так вот. Она столкнулась с ней сегодня днем, во время обеда. Юзи болеет, и поэтому она целый день оставалась в корпусе. Так вот. Она столкнулась с ней в коридоре, и не знаю почему – хотя нет, знаю, Юзи же немного странная. Так вот, она начала с ней разговаривать.

– И? – не выдержала я. Сал невозможно слушать. Если бы мы не были друзьями, кто-то из нас уже давно бы высказался в сторону ее невыносимой манеры рассказывать что-либо. Она могла час описывать бесполезные детали, постепенно подводя слушателя к тому, что история, на самом деле, ни о чем.

– Она сказала ей про шторм. Она сказала, что сегодня погибло двое жителей деревни на горе. Сорвались со скалы.

– Как?

– Уборщица сказала: «море слизало их своей волной-языком».

Сал посмотрела мне в глаза, заражая мой взгляд грустью и тревогой. Я не знала, что сказать. Никто не знал. Так мы и сидели в позднем свете, слушая, как где-то на склоне Нашей

Скалы рвет и кромсает буря. Слушая, как нервно скрипят пружины матрасов. Так мы и сидели, пока Нан не вставила:

– И они хотят, чтобы мы шли в такую погоду плавать? Чтобы мы тоже все сдохли в море?

– Да, и никто бы не узнал. Кроме уборщиц. И потом им бы тоже было плевать. – с усмешкой добавила Валире.

«Отлично» – подумала я.

10.

Я помню, каким был тот день. Небо было таким привычно облачным, каким оно бывает каждую неделю нашей долгой зимы. Но свет... Облака светились так ярко и вокруг от этого было так светло, что это не было похоже на ту мокрую и холодную погоду, от которой тебе хочется поскорее уйти домой и заснуть. На горизонте не было той синей полосы, означавшей стекающее сырое небо. Надо мной все было одинаково сияющим, как будто сквозь тонкие волокна виднелись голубые просветы.

В тот день я почувствовал, что обязан выйти на улицу. Со мной такое часто бывало. Я надеялся, что там, снаружи, я буду один, и тогда в этом великом мире мы останемся вдвоем: прозрачный светлый воздух и я. Выйдя на занесенные глубоко снегом пески я увидел лишь маленькую фигуру вдали. Достаточно далеко, чтоб я могу погрузиться в себя и оказаться там, где я хотел быть. Шире. Глубже. Я думал, но в голове моей не было воспоминаний и слов. Только представления моих будущих действий и невольное осознание настоящих.

Это не бы морозный полдень, он был комфортным для идущего человека и холодным для решившего остановиться наблюдателя, как я. Но день был чистым и белым, и поэтому,

даже дрожа, я улыбался и хотел плакать.

Я знаю, что она вышла не сильно раньше меня и что она, как и я, на той аллее была одна. Она решила идти наверху. Я знаю это хотя бы потому, что следил за ней и понимаю каждый ее шаг гораздо лучше, чем все остальные. Но я никогда не знал причины всех ее действий. Почему именно в тот день и именно в полдень она решила выйти из дома? Почему в тот осязаемый минус ее волосы неприкрыто лежали на плечах того ярко-красного одеяния? Понимала ли она сама, почему все это произошло?

Она шла уверенно, как будто давно ждала этого, спланировав все в своей голове. Те звуки мнимой тишины, окружавшие ее, сливались с ее внутренней музыкой. Решившись, она наконец поняла, на что способна. Ее вера достигла тех высот, что она уже не замечала никаких препятствий, она могла бы продолжить свой путь босиком. Она была счастлива, но не так, как раньше. Это счастье было другим, оно казалось ей осмысленным.

На каком моменте она решила свернуть, я не знаю. Внизу, среди снегов, нет никаких ориентиров. Я помню лишь то, что она была недалеко, иначе я не знаю, что бы произошло с нами и как бы потекла жизнь в мире в целом.

Я продолжал тяжело поднимать из сугробов ноги – мои стопы начинали уже становиться холодными и мокрыми – когда я заметил краем глаза движение. Оно было еле уловимо, и в любой другой день, когда у моря много людей, оно

бы ни за что не захватило мое внимание. Но тот день был одним из самых снежных, каких я помню, и поэтому та красная точка заставила меня оторвать взгляд от горизонта и повернуться.

Мое дыхание было перехвачено.

Там, наверху, над нависшим над снежной пустыней обрывом стояла она. Это было не так близко, но я уверен, что видел улыбку на ее лице. Не понимая, что происходит, но чувствуя, что вот-вот может произойти нечто ужасное, я побежал вперед. Тот снег – я ненавижу его, он словно хотел замедлить меня, как будто в тот момент он был на ее стороне. И потому, утопая в сопротивляющейся толще, я лишь боролся с тем, чем восхищался и от чего не мог перевести взгляд минуты назад. Но больше всего я боролся с собственной слабостью, которая убеждала меня изнутри, что я не успею, что нет смысла бежать, и от этого чувства безысходности меня начинало клонить в сон. Тогда с каждым движением я начал заставлять свои мышцы работать, пытаюсь ускориться еще больше, несмотря на то что голова моя уплывала в мертвое состояние протрации. Я чувствовал, что осталось чуть-чуть, и что если я перестану думать о будущем, если я буду оставаться здесь в эту секунду, мне будет легче бежать и я успею.

Она легко и невозмутимо толкнулась ногой. В этот момент я посмотрел вверх. Я помню, время в тот момент текло по-другому, как это иногда бывает. Как, например, когда

ты так глубоко уходишь в свои мысли, что кажется, что все это длится несколько часов, если не дней. Но на деле же проходят минуты, и ты возвращаешься в реальный, или скорее окружающий мир в полном смятении, почему все это происходило. Тогда же мне казалось, что она летела целую вечность. И было в этом что-то страшно прекрасное. Ее вечно несобранные волосы так свободно играли с ветром, а ее красная ткань – я наконец начал понимать, что она могла означать. В ту секунду, когда вокруг все было ослепляюще белым, она и тяжелая красная ткань казались лишь одним – каплей крови. И эта яркая кровь была самой жизнью, хотя там, внизу, ее ожидала смерть.

Но ее поймал я.

11.

Следующее утро было первым, когда мы проснулись не от будильника. Нас разбудил треск белой древесины и настойчивый стук в окно. Поначалу я думала, так настойчиво стучится Рода. Это было в ее стиле. Но стук был не тупым, а мягким и острым, как звук пробивающих зелень игл. Звал на улицу старый друг – ливень.

Через мгновение прозвучал будильник, ловко остановленный моей рукой. Настало время увидеть его.

То небо я видела в первый раз. Оно было старым, древним. Оно пришло не отсюда, а из тех мест, где когда-то было ничто. Могущественное ничто, которое взлетало и падало над громадной землей. То небо пришло из тех времен, которые не видели ни мы, ни наставники, ни старейшины. Для нас оно было чужим, но оно принесло свободу. И мы вышли к нему и вздохнули так глубоко, как дала клетка легких. По всему телу разлился тысячелетний кислород, и мы, я почувствовала тогда, получили силу.

Где-то на западе во всю гремели грозы. Они отражались в моих глазах фиолетовыми вспышками, и моя радужка из малахита принимала смелый, испепеляющий вид. Волосы у девочек – должно быть, и у меня тоже – начали тянуться нитями к небу. Нас рассмешил вид друг друга, пока мы не заметили, как быстро движется разряд неба.

Сердце ускорило кровь в артериях. Чуть-чуть было страшно, и на чуть-чуть возникло видение возможной смерти. Но все затмевало нелогичное чувство притяжения. Мне вдруг захотелось провести целый день у воды, пока гроза не подберется слишком близко. Захотелось танцевать на камнях, призывать проливной дождь. Как я делала раньше – нагишом, с криками, с такой безумной широкой улыбкой, какая бывает у чистодушных детей.

Я ждала, когда мы наконец подойдем поближе к воде. Я знала, что времени было немного. Потом в нее ударит разряд, и изобьет ее до дыма. И тогда море вскипит и покроется электрическим паром. Пар пойдет по берегу, войдет в деревни и прибрежные города. Окутает корпуса, стадионы, столовые и лес. Воздух станет подобен разряженному серебру, и побежит, щекоча кожу, ресницы, узвончая и урезчая, старый ток. Тот ток, что когда-то создал огонь. И огонь тот сжигает ничто.

12.

Я вошёл на кухню, где стоял грязный, заваленный посудой и крупами стол. Есть на нем давно уже стало противно, и он превратился в дополнительное хранилище мусора. На этом столе стояла и моя кружка, стояла, не касаясь воды и чьих-либо рук, вот уже несколько дней. Я заглянул внутрь неё: там, на дне, серо-желтыми пластами с волосками высыхал корень имбиря. «Так, должно быть, выглядит смерть» – подумал я.

Я хотел чаю. Пока чайник кипел странно пахнувшей водой из-под крана, я вышел на балкон. Было морозно, и мою голову сразу же стянуло твердым воздухом. Я провел очередной ритуал: осмотрел каждый кусочек одинакового чистого неба, провелься глазами по побелевшей земле внизу и перевел взгляд на голые ветки, рассекающие солнце. Было красиво, но красота, как обычно, овладела мной и не давала уйти. Я был прикован к одному образу, и нечто заставляло меня продолжать смотреть, пока оно не насытится. Я услышал, как выключился чайник. Еще пять секунд, и я шел отмывать кружку.

Пока я нес струящуюся дымом черную жидкость, клубами вытекал с краев на мои мокрые, замерзшие руки мягкий чайный пар.

13.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Он, возраст неизвестен или усердно скрывается.

Психолог, женщина, предположительно 48 лет.

Действие происходит в кабинете психолога.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ (ЕДИНСТВЕННОЕ)

Маленькая, но уютная комната со светло-зелеными стенами. Зима. Четыре часа после полудня. Облачный день. Два кресла и письменный столик между ними освещены слабым синеватым светом. Он и психолог первый раз встречаются друг друга. По совместительству, это их последняя встреча. Середина откровенной беседы.

Психолог. Даже сейчас я пытаюсь вытянуть из вас ответы, и не уверена, что вытягиваю то, что нужно. Как будто вы где-то в другом месте,...

Он (сдерживая неловкое поднятие уголков губ). Мм...

14.

Всю жизнь я хотел написать такую книгу, которая бы стала прогулкой по полярным снежным просторам для каждого, кто ее прочтет. Чтобы, раскрыв ее на любой странице, он оказывался в собственном поле льда и сугробов и ничего не мешало ему стоять, улыбаться и смотреть.

Я не хотел давать людям дома или лес. Я хотел дать им место – много свободного места – где каждый мог найти и придумать что-то свое. Порой так не хватает места для себя, понимаете. Меньше всего я мечтал запихнуть им в глотки готовые истины, завуалированные журчащим языком. Я хотел сделать что-то новое. Не знаю, получилось ли у меня, или все это больше похоже на исповедь сумасшедшего.

Мысленно я называл себя писателем, но, как это часто бывает, почти никогда не писал. Или лучше сказать, не писалось. И не зналось, что же все-таки написать. Было несколько попыток, конечно. Были стихи, совершенно ужасные и полные жалости к самому себе. И была проза с размышлениями о жизни и природе.

Один раз накатило какое-то вдохновение, и я написал свой знаменитый роман о рыбаке, который никогда не рыбачил. В нем было 40 страниц описания неба. Лучшая моя работа. Я полюбил ее, как сына, но она осталась жить в моих тетрадах. Я жил в иллюзиях, но не настолько, чтобы верить,

что та книга кого-то заинтересует.

Я все твердил:

не как, а о чем.

Сейчас понял:

ошибся.

15.

Знаки я замечал всегда. Ничто, по моему мнению, не могло быть бессмысленным. И потому я останавливался, вдруг поймав запах мокрого дерева и бежал за ним, как животное, думая, что тот ведет меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.